

Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине

Ты должна сделать добро из зла,
потому что его больше не из чего
сделать.
Р.П.Уоррен

Из интервью, которое специальный корреспондент
Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю
присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19 ... год:

— ...Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман,
следует считать так называемый радиант Пильмана?

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьезное и,
собственно, не открытие. И не совсем мое.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому
школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно
школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его
"Истории Посещения" — там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые
школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим
именем.

— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы
объяснить нашим слушателям, доктор Пильман ...

— Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука.
Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из
револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы
называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть
Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по
Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля-Денеб.
Денеб — это альфа созвездия Лебеда, а точка на небесном своде, из которой, так
сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана.

— Благодарю вас, доктор. Дорогие хармонтцы! Наконец-то нам толком
объяснили, что такое радиант Пильмана! Кстати, позавчера исполнилось ровно
тринадцать лет со дня Посещения. Доктор Пильман, может быть, вы скажете
своим землякам несколько слов по этому поводу?

— Что именно их интересует? Имейте в виду, в Хармонте меня тогда не
было ...

— Тем более интересно узнать, что вы подумали, когда ваш родной город
оказался объектом нашествия инопланетной сверхцивилизации ...

— Честно говоря, прежде всего я подумал, что это утка.
Трудно было себе представить, что в нашем старом маленьком

Хармонте может случиться что-нибудь подобное. Гоби, Ньюфаундленд — это еще куда ни шло, но Хармонт!

— Однако в конце концов вам пришлось поверить.

— В конце концов да.

— И что же?

— Мне вдруг пришло в голову, что Хармонт и остальные пять Зон Посещения ... впрочем, виноват, тогда было известно только четыре ... что все они ложатся на очень гладкую кривую. Я сосчитал координаты радианта и послал их в "Нэйчур".

— И вас несколько не взволновала судьба родного города?

— Видите ли, в то время я уже верил в Посещение, но я никак не мог заставить себя поверить паническим корреспонденциям о горящих кварталах, о чудовищах, избирательно пожирающих стариков и детей, и о кровопролитных боях между неуязвимыми пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно доблестными королевскими танковыми частями.

— Вы были правы. Помнится, наш брат информатор тогда много напутал ... Однако вернемся к науке. Открытие радианта Пильмана было первым, но, вероятно, не последним вашим вкладом в знания о Посещении?

— Первым и последним.

— Но вы, без сомнения, внимательно следили все это время за ходом международных исследований в Зонах Посещения ...

— Да ... Время от времени я листаю "Доклады".

— Вы имеете в виду "Доклады Международного института внеземных культур"?

— Да.

— И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет?

— Сам факт Посещения.

— Простите?

— Сам факт Посещения является наиболее важным открытием не только за истекшие тринадцать лет, но и за все время существования человечества. Не так уж важно, кто были эти пришельцы. Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда девались потом. Важно то, что теперь человечество твердо знает: оно не одиноко во Вселенной. Боюсь, что институту внеземных культур уже никогда больше не повезет сделать более фундаментальное открытие.

— Это страшно интересно, доктор Пильман, но я, собственно, имел в виду открытия технологического порядка. Открытия, которые могла бы использовать наша земная наука и техника. Ведь целый ряд очень видных ученых полагает, что находки в Зонах Посещения способны изменить весь ход нашей истории.

— Н-ну, я не принадлежу к сторонникам этой точки зрения. А что касается конкретных находок, то я не специалист.

— Однако вы уже два года являетесь консультантом Комиссии ООН по проблемам Посещения ...

— Да. Но я не имею никакого отношения к изучению внеземных культур. В КОПРОПО я вместе со своими коллегами представляю международную научную общественность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации Зон Посещения. Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в зонах, распоряжался только Международный институт.

— А разве на эти чудеса посягает еще кто-нибудь?

— Да.

— Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?

— Я не знаю, что это такое.

— Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия.

— Понимаю. Нет, это вне нашей компетенции.

— Еще бы! Этим занимается полиция. Но было бы интересно узнать, что именно входит в вашу компетенцию, доктор Пильман ...

— Имеет место постоянная утечка материалов из Зон Посещения в руки безответственных лиц и организаций. Мы занимаемся результатами этой утечки.

— Нельзя ли чуточку поконкретней, доктор?

— Давайте лучше поговорим об искусстве. Неужели слушателей не интересует мое мнение о несравненной Гвади Мюллер?

— О, разумеется! Но я хотел бы сначала покончить с наукой. Вас как ученого не тянет самому заняться инопланетными чудесами?

— Как вам сказать ... Пожалуй.

— Значит, можно надеяться, что хармонтцы в один прекрасный день увидят своего знаменитого земляка на улицах родного города?

— Не исключено ...